

Сергей А. Романенко
Институт славяноведения и балканистики,
Москва

ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИТОГИ К КОНЦУ 20 ВЕКА

РЕЗЮМЕ

В статье с точки зрения теории рассматривается один из ключевых процессов в истории европейских народов 19 и 20 вв. - национальное самоопределение. Автор сравнивает исторический опыт и нынешнюю политическую практику в странах Восточной и Центральной Европы (бывшие СССР и СФРЮ, Россия, Хорватия, Сербия итд.). Он выделяет три модели самоопределения каждого европейского народа: в многонациональном государстве (Австро-Венгрия, Российская империя, СССР, СФРЮ), в полиэтнической общности (славяне, немцы, угрофинцы); в историко-географическом регионе (Восточная, Центральная и Западная Европа). Понятие "нация" он отличает от понятия "национальность". По его мнению, демократическое государство может быть только полиэтническим и его фундаментом должно быть гражданское общество. Однако, распад СССР и Югославии был исторически неизбежным. Национальная независимость не может и не должна отождествляться с демократией, а демократия - с национальной независимостью.

1. Определение понятия

Идея политического самоопределения в сознании каждой этнической общности возникает на этапе, совпадающем исторически с переходом от средневековья к новому времени. Она является отражением процесса самоопределения этнических общностей, начавшегося в конце 18 века. В этот момент этническая общность становится субъектом политических отношений, внутригосударственного и международного права. Национальное самоопределение (политический лозунг, правовой принцип, стадия в этнополитическом развитии, психологический процесс) является отражением в сознании синтеза его этнического и

политического видов. Отличие трактовки принципа "одна душа - одна территория - одно государство" политиками и деятелями национальных движений в Средней и Восточной Европе состояло в том, что понятие "нации" (т.е. гражданской полититической полиэтнической общности) подменялось "национальностью" (моноэтнической социально неструктурированной к незрелой в гражданском смысле общностья).

Сразу возникают несколько вопросов. Первый - что является субъектом самоопределения - нация в западноевропейском понимании или нация-национальность в центрально-европейской и восточноевропейской трактовке? И второй - что представляет из себя сам феномен самоопределения? Третий - чем политическое самоопределение отличается от других типов самоопределения и чем самоопределение отличается от других этнополитических и этнопсихологических процессов?

В нашем обыденном, да и научном сознании прочно закрепились ленинско-сталинские формулировки понятия "нация" и советская "табель о рангах" этнических общностей: нация - "высшая" форма этнической общности, обладающая своим государством, национальность, не имеющая государства - низшая. В основе этих представлений - статьи И. Сталина, написанная в 1913 г. при помощи Н. Бухарина и с ведома В. Ленина "Марксизм и национальный вопрос", и известные произведения самого В. Ленина - "О праве наций на самоопределение" и другие. Но ни Н. И. Бухарин, ни В. И. Ленин, ни, тем более, И. В. Сталин не были первооткрывателями в этой области. Они опирались и на итоги развития европейской науки - истории, этнологии, статистики, теории государства и права, и на российскую имперскую традицию, в которой были воспитаны (хотя на словах и отрицали это).

Вот "сталинское" определение нации: "Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры" (1).

"Рабочие заинтересованы в полном слиянии всех своих товарищей в единую интернациональную армию, в скором и окончательном освобождении от духовной кабалы буржуазии, в полном и свободном развитии духовных сил своих смобратьев, к каой бы нации они ни принадлежали". Поэтому социал-демократия всех стран провозглашает

право наций на самоопределение под которым подразумевается, что “только сама нация имеет право определять свою судьбу, никто не имеет права насильственно вмешиваться в жизнь нации, разрушать ее школы и прочие учреждения, ломать ее нравы и обычаи, стеснять ее язык, урезывать права“ (2).

Вслед за К. Каутским В. Ленин, использовавший, судя по текстам, сочинение Сталина и Бухарина, полагал, что образование национальных государств в наибольшей степени отвечает требованиям капитализма и выступает конечной целью всякого национального движения, потому что пестрые в национальном отношении государства якобы являются “всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или иным причинам осталось ненормальным или недоразвитым (отсталым)” (3). Полиэтничность населения государства связывается с регрессом, а моноэтничность - с прогрессом, определяемым исключительно экономическим развитием. При этом автор явно имеет в виду не западноевропейскую нацию-государство, а государство-национальность. При такой трактовке полиэтнические и многонациональные государства обречены на распад. А распад, революция - это генеральная идея Ленина и его последователей. Именно поэтому он многократно утверждал, что под самоопределением нации разумеется государственное отделение от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства“, что именно таким образом это понимается во всей истории международной демократии, особенно с половины XIX века“ (4).

Подобная трактовка является не обоснованием демократии, хотя на словах самоопределение отождествляется с демократией, а обоснованием узкого этнического национализма в его наиболее агрессивной форме, с добавлением “социальной“ демагогии. Национальность отождествляется с нацией и территорией - вот в где корень родства большевизма и национализма, что стало очевидно в 20-е годы, когда сталинское руководство использовало русский национализм и российский империализм для укрепления своей власти, прикрываясь лозунгами “интернационализма“ для ассимиляции и борьбы с “сепаратизмом и национализмом“, препятствуя самоопределению народов бывшей Российской империи (5).

Обвиняя австромарксистов в увлечении “юридическими дефинициями“, Ленин сам оставался в очень ограниченных рамках

политической цели, собственного (юридического!) образования и экономического материализма, согласно которому экономические интересы и развитие экономики якобы всегда напрямую определяет ход развития этнических общностей и процессов.

Но самоопределение вовсе не сводится только к факту провозглашения независимости и созданию национального государства, охватывающего территорию компактного проживания этнической общности, составляющей на ней большинство населения, как считали многие теоретики 19 - начала 20 в. Понятие политического самоопределения объемнее государственного самоопределения. Оно включает в себя не только отделение этнотерриториальной общности от многонационального государства и создание органов государственной и судебной власти, представительных учреждений, но и создание общественных движений, политических партий, национальных движений, электората, формирование сознания. Требование политического самоопределения отдельной этнической общности, далеко не всегда выступает во многонациональном и полиэтническом государстве в роли дезинтегрирующего фактора.

Национальное самоопределение в разные исторические периоды у разных народов толковались совершенно по-разному учеными и политиками в зависимости от их социально-политической ориентации, особенностей исторического опыта каждого народа, традиций национальных научных школ и конкретной политической ситуации. Идея национального самоопределения сразу оказалась в центре полемики. И авторами ее были отнюдь не большевики (6).

Вот как, например, трактовал понятие "нация" оппонент "ленинцев" австрийский социал-демократ Отто Бауэр. В европейской науке конца 19 в. считалось, что элементами нации являются общность территории, происхождения, языка, нравов и обычаев, переживаний и исторического прошлого, законов и религии (7). Устанавливая "причинную зависимость этих элементов, О. Бауэр пришел к выводу, что нация - это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы" (8). Именно "общность судьбы" полагал он, отличает национальную культурную общность от других ее типов: профессиональной, классовой, национально-государственной. Его соратник Карл Реннер привел следующую градацию типов общностей, распространенную в европейской науке того времени: "нация" в

государственно-правовом смысле - это "принадлежность к государственному организму при равноправии всех граждан; племя образует "этнологическая связь при одинаковом наречии"; национальность создается "духовной и культурной общностью" при наличии национальной литературы, являющейся выражением этой общности" (9).

Создается впечатление, что самоопределение в нашем сознании превратилось в неизменное, раз и навсегда данное право этнической общности, некий неизменный принцип. Но остается неясным, почему именно этническая общность должна обладать извечной привилегией быть субъектом государственного права. Не доказано, "выгоднее" ли моноэтническое государство чем полиэтническое с точки зрения экономики, лучше ли оно функционирует, почему в конце 20 в. для становления рынка при переходе от распределительной к рыночной экономике в современных условиях используются националистические лозунги 19 в. при необходимости интеграции в мировую экономику, почему используются старые методы протекционизма и государственного регулирования, а экономическая система увязывается с историческими особенностями этнической и социальной общности.

В настоящее время многие ученые и журналисты часто рассматривают межэтнические конфликты в Восточной и Средней Европе исключительно как наследие коммунизма, который сдерживал процессы национального самоопределения, или, наоборот, как результат краха этой системы, сдерживавшей этнические конфликты. Лишь немногие исследователи стремятся увидеть более глубокие исторические корни этих конфликтов, пытаются выйти за хронологические рамки 1945, или, в крайнем случае, 1918 г. С другой стороны, историки не всегда доводят свои исследования до современного периода. В результате не создается единая картина развития этнополитических процессов и взаимоотношений в Европе.

В период обострения межэтнических отношений в Восточной и Средней Европе история, политология, другие гуманитарные науки часто используются для обоснования притязаний вновь образовавшихся государств на те или иные территории. При этом активно используются традиции идеологии национальных движений 19-20 вв., основывавшейся на историческом и естественном праве, национальном принципе, подсчетах этнодемографического состава населения. С другой

стороны, часто сравнивают, проводя не всегда корректные аналогии, Австрийскую и Российскую империи, СССР, Чехословакию, Югославию, другие государства-наследники империй.

К сожалению, хотя это и закономерно, в обстановке распада многонациональных государств и обострения конфликтов, многими учеными овладело стремление сделать историю орудием межнациональной и политической борьбы, что не только усугубляет субъективность и ограниченность, к старым мифам и стереотипам добавляет новые, но и ведет к утрате профессионализма, искажает роль науки в жизни этнической и социальной общности. Подчеркнутая чистота исследования от политики должна стать одной из важнейших задач, главным исследовательским и этическим принципом.

Отношение к национальному самоопределению, восприятие феномена и трактовка лозунгов и принципов зависит от политических симпатий, профессионального сознания, особенностей личного этнического и исторического сознания - отношения к прошлому, способности отказаться от мифов и стереотипов. Это ясно видно и в России, и в странах СНГ, и в других бывших социалистических странах Восточной и Средней Европы, где еще отсутствует нормальное политическое сознание и только формируется первое поколение профессиональных политиков.

В нынешней России одни политики и ученые выступают адептами самоопределения, другие - его противниками. Защитники самоопределения также делятся на две группы: часть признает это "право" только за государствообразующей национальностью, часть - только за народами, лишенными в той или иной мере государственности. Но и те, и другие, и третьи видят в нем не исторический процесс, а лишь политический лозунг и правовой принцип, отождествляют нацию и национальность, этническую территорию и государство, абсолютизируют независимое национальное государство, отождествляя его или с демократией, или с национальным величием. И крайние "демократы", и "государственники" для обоснования своих позиций ссылаются на один тот же тезис об историческом государственном праве, как основе самоопределения.

"Демократы" не видят проблемы самоопределения русских, "националисты" и "государственники" - самоопределения всех

остальных народов. В основе этих позиций - абсолютизация одного из типов общности, отрицание прав личности, искаженное представление о соотношении этнической, социальной, государственной, конфессиональной общностей.

Абсолютизируется опыт своего народа, своя историческая память, часто на обыденном уровне, опыт народа или региона - предмета собственных научных исследований при приблизительном знании других. Обобщения часто основываются на абстрактных схемах или историческом опыте одного народа. В этой связи нельзя не упомянуть спекулятивные игры в сравнения СССР и СФРЮ, России и Сербии без знания фактов и понимания особенностей истории этих государств и населявших их народов, традиций их взаимоотношений.

Историки часто подводят увлечение чисто фактической стороной дела, стремление представить наиболее выпукло именно оригинальную физиономию события, явления или процесса.

С другой стороны, пытаясь отойти от многолетних и не оправдавших себя классовых догм, историки часто попадают в сети новых или обновленных, национальных или государственных мифов. В особенности, когда стремятся провести аналогии с Россией или "восстановить" прерванный событиями 1917 г. процесс. Это стремление исходит не только из мифологичности мышления историков, но и опирается на некоторые профессиональные приемы - построение графиков, пресловутых "спиралей" или выявление периодичность событий.

При этом выводы зависят и от политической ориентации, и от особенностей профессионального мышления. В этом корень "патриотической" позиции историков и "западнической" - социологов и политологов. Ошибка у всех одна и та же, но ее причины различны. Если у одних преобладает тяга к национальному или коммунистическому мифу, то у других - стремление свести все историческое и национальное своеобразие к упрощенным социологическим и политологическим схемам. Абсолютизируются отличительные черты посткоммунистической стадии развития стран Восточной и Юго-Восточной Европы, совпадение политических ситуаций, но при этом упускаются обусловленные историческим и этническим, региональным развитием особенности. За всем этим кроется

отсутствует в нашем сознании реального чувства истории, которая рассматривается лишь как сборник ответов к задачку современной политики. Все это в конце концов ведет к потере правильной ориентации, к искаженному представлению о месте, роли и возможностях собственного народов, населяющих Россию, и России как государства. Вот итог гипертрофирования этнических особенностей, равно как и схематизма, искажения индивидуального лица событий, явлений и процессов, абстрактного конструирования, не опирающегося на знание реальных фактов.

Политологи и социологи, на наш взгляд, часто смотрят на этнополитические процессы упрощенно, часто используя схемы, которые отнюдь не носят универсального характера, и не всегда корректные с исторической точки зрения аналогии.

Экономисты (именно экономисты по профессии возглавляют сейчас в России партии и фракции, которые называют демократическими и либеральными в подлинном смысле этих слов) часто рассматривают этнические процессы с позиций “экономического материализма”, о котором писал еще Г. В. Плеханов (10). Они полагают, что все в конечном счете определяет экономическое развитие, которое рано или поздно приведет к урегулированию межэтнических конфликтов, выводят общую подчиненность этнических и этнополитических процессов экономическим. То-есть, неверно понимается соотношение экономических и этнических общностей и процессов.

К сожалению, в аналитических материалах и программах политических организаций вовсе отсутствует или очень слабо “прописан” национальный вопрос. Между тем, необходимо объяснить парадокс, почему при экономической общемировой тенденции к интеграции, самодостаточный этнический национализм и экономическая автаркия под флагом “защиты рынка” побеждают в некоторых странах, стремящихся перейти от распределительной экономики к рыночной. К таковым относится и Россия.

Для этнологического анализа характерна абсолютизация этнической общности. Обоснование для самоопределения таких принципов как “историческое право” часто ведет к войне, а не к миру. (Историкам и этнологам предстоит большая работа по исследованию двух мировых войн не только как межгосударственных - как у нас традиционно учили,

но и межэтнических конфликтов, основанных на естественном праве. При этом особое внимание необходимо уделить конфликтам между славянскими народами и государствами как одной из причин возникновения этих войн!).

Осуществление исторического государственного права, по мнению К. Реннера, представляло бы "худшую из всех возможных утопий", ибо его идеал в прошлом и никогда не может быть реализован"; это оставит национальный вопрос "навсегда открытым" (12). Этнополитические вопросы вообще не решаются подобно общеполитическим и социальным простым голосованием "на большинство". А этнодемографический состав населения стал предметом "научного" манипулирования и обоснованием "этнических чисток", проводимых в разных формах некоторыми из вновь образованных государств в Средней, Восточной и Юго-Восточной Европе. Такой подход является с юридической точки зрения антиправовым.

Перед правоведами стоит проблема соотношения государственной, политической и этнической общностей. Юристы часто абсолютизируют самоопределение как создание независимого государства, лишь как политико-правовой акт, следуя в этом традиции германской науки 19 в. и советской теории. Они стремятся к созданию некой идеальной модели государства, способного стать панацеей от всех этнических конфликтов на все времена. Одни из них видят эту панацею в федерализме, другие - в установлении централистского унитарного государства.

Вышесказанное свидетельствует о недостатках нашего научного профессионального гуманитарного сознания, о неумении исторически подойти к анализу этнополитических процессов, в том числе и самоопределения. Абстрактность и использование исторических аналогий, использование понятийного аппарата конца 19 века в конце 20 в. приводит к неверной оценке сути процессов и обстановки, в конце концов - к вооруженным конфликтам при исторически закономерном распаде многонациональных государств.

Трагедия состоит в том, что отечественные интеллектуалы-демократы, приняв в конце 20 в. лозунг национального самоопределения в форме 19 - начала 20 в., абсолютизовав его и выведя из исторического контекста в условиях распада коммунистических многонациональных

государств, приравняв национальность к нации, забыв, что существует проблема самоопределения не только небольших и неполноправных народов, но и бывших государствообразующих национальностей, чей этноним совпадал с общеимперским политонимом, сами того не желая, проложили дорогу великодержавию, национализму и фашизму; борясь против коммунистической империи, они вымостили дорогу империи националистической.

У бывшей государствообразующей национальности самоопределение в сознании отождествляется с величием, а величие - с военной мощью и размером территории без определения экономической жизнеспособности и эффективности данного образования, без учета уровня жизни и обеспеченности прав жителей. Это выдается за некий "национальный особый путь развития". В основе этой теории лежит идея о том, что единственным субъектом права - имущественного, государственного и др., может быть только общность. В данном случае - этническая. Понятие права связывается лишь с принадлежностью отдельного человека к этнической общности. Это неизбежно ведет к отрицанию прав личности, гражданина. Хотя в области культуры и образования право на самоопределение отчасти выступает и как коллективное право.

Каковы же исторические этапы и результаты процесса самоопределения у народов Европы к концу 20 века?

2. Исторический взгляд

Интенсификация процесса национального самоопределения приходится на вторую половину 19 - начало 20 века. Процесс самоопределения стало причиной ряда локальных конфликтов, освободительных войн и восстаний. Впоследствии оно превратилось в один из важнейших факторов, приведших к двум мировым войнам. В наши дни мы стали свидетелями распада трех многонациональных государств, лишь в одном случае из трех он сопровождается вооруженным конфликтом.

Национальное политическое самоопределение и создание системы национальных независимых государств в Средней и Юго-Восточной Европе после Первой мировой войны, не разрешили противоречий между этническими общностями и государством, не смягчили

конфликтов этих общностей между собой, лишь превратив их в межгосударственные. Это же относится и к системе межгосударственных и межнациональных отношений, сложившихся в Средней, Юго-Восточной и Восточной Европе после Второй мировой войны.

В конце 80-х годов мы были свидетелями, по выражению одного из венгерских ученых, “этнического ренессанса”, охватившего страны Восточной и Юго-Восточной Европы, начавшие освобождаться от коммунизма. В начале 90-х дискуссии о принципах национально-политического устройства многонациональных государств - СССР, Югославии и Чехословакии, - о путях достижения каждой этнической общности равноправия с другими и обретения суверенитета закончились их развалом и резким, вплоть до широкомасштабных военных конфликтов, обострением отношений между народами. Одна из причин этого состоит в том что в политическом сознании национальность по-прежнему считалась единственным субъектом государственного права, хотя и в противовес “рабочему классу”. В сознании исключительность одного вида общности сменилась исключительностью другого.

Распад СССР, Чехословакии, Югославии обусловлен совпадением в один исторический момент нескольких кризисов - распределительной экономики, идеологической системы коммунизма, тоталитарной политической структуры, этно-территориальной федерации как формы национального самоопределения, а также “славянской идеи” в глобальной и региональной ее формах. А также тем, что система Версаль-Ялта (Париж)-Хельсинки изжила себя, столкнувшись с противоречием процессов национального самоопределения и необходимостью сохранения существовавших государственных границ. Изжила себя и прежняя система блоков и глобального противостояния.

Говоря о специфичных чертах кризиса СФРЮ и последовавшего за ним конфликта можно назвать несколько его элементов: крах коммунистической идеологии и тоталитарной политической системы; неспособность этнотерриториальной федерации с элементами автономии гарантировать политическое самоопределение этнических общностей; неспособность концепции югославизма на идеологическом и психологическом уровнях примирить народы и создать основу единого государства; крах административной и экономической системы распавшегося государства в условиях гиперинфляции.

В этих условиях идет поиск новых формы национального самоопределения. Распад прежних государств не был и не мог быть результатом вмешательства извне - он был обусловлен исторически. Было неизбежным и столкновение интересов и целей национальных движений, принявшего характер конфликта панэтнических и пангосударственных идеологий народов в процессе национального самоопределения, который не окончен сегодня и не закончится завтра. Это - перманентный процесс, играющий ключевую роль в развитии европейской цивилизации.

В отечественной науке долгое время было принято полагать, исходя из ленинского понимания национального вопроса, обусловленного лишь целью революционного разрушения существовавших государств, что в таких государствах этнообразующие процессы совпадают по направленности с политическими центробежными тенденциям и даже составляют их основу; а межэтнические интеграционные процессы стимулируют и цементируют, соответственно, центростремительные тенденции. При этом отождествляются интеграция, этнический унитаризм и государственный централизм, с одной стороны, и партикуляризм, сепаратизм, изоляционизм, автаркия, децентрализация, - с другой. Как и самоуправление и автономия, об опасности чего предупреждали еще российские либералы начала 20 в. (12).

Но исторический парадокс состоит в том, и особенно это показал опыт развития и распада Австро-Венгрии, и начала 90-х годов 20 века, что на определенном этапе или в определенных исторических ситуациях, в развитии многонационального государства, в особенности имперского типа, централистская политика вкупе с социальным консерватизмом начинала противоречить интеграционным тенденциям в экономике и межэтнических отношениях, вела не к сохранению единства государства, а к его развалу; а этнообразующие, разрушительные на первый взгляд тенденции, опираясь на последовательный демократизм, наоборот, объективно могли создать основу для сохранения единого государства, превращения его из многонационального в полиэтническое при формировании соответствующей экономической базы, гражданского общества, преобразовании его политической системы и национально-государственного устройства.

3. Самоопределение в многонациональных государствах

При рассмотрении проблемы автономии как внутреннюю проблему полиэтнического государства, мы видим, как автономия, основанная на феодальном политико-территориальном принципе превращается в этнополитическую автономию, что приводит к изменению самого принципа автономии. Она начинает рассматриваться как особая форма национальной государственности (этнополитическое образование) в рамках единого полиэтнического государства. Это неизбежно приводит идею автономии к столкновению с общеимперской - общегосударственной идеей и законами, с идеей государствообразующей национальности с законами государства, ставит вопрос о государственном самоопределении. Неизбежно происходит столкновение по мере развития процесса самоопределения "титულიной автономной" этнической общности, ее национального движения и общегосударственных властей. Наступление на автономии характерно для последнего периода существования Австро-Венгрии и Югославии.

В этих условиях распад государства становится практически неизбежным. Политическая автономия как форма политического и этнокультурного самоопределения этнических общностей на данном этапе не может служить фактором сохранения полиэтнических государств. Тем более это относится к автономии национального меньшинства бывшей государствообразующей этнической общности. На это не согласится ни одна из сторон - ни само меньшинство, ни власти обретшей независимость новой инациональной республики - Хорватии (хотя сейчас, после войны и обострения до крайности хорватско-сербских противоречий руководство Хорватии, кажется готово предоставить сербам "Крайны" автономию. Но... почему оно не сделало этого до войны?) Все стороны, кажется, прошли мимо возможности мирного реформирования государства.

Да и Сербия еще несколько лет назад развернула наступление на автономии, ликвидировав еще будучи в рамках Югославии, автономные образования албанцев (Косово и Метохия) и венгров и сербов, проживавших до 1918 г. на территории венгерской части Австро-Венгрии (Воеводина).

Если раньше автономия рассматривалась как гарант целостности многонационального государства, как способ удержания национальности

от государственного самоопределения в форме отделения и создания независимого государства - будь то из военно-стратегических соображений, или как уступка национальному движению, то по мере усугубления процесса политического самоопределения неполноправных народов она становится с точки зрения центральных властей и сознания государствообразующей национальности дезинтегрирующим фактором, сепаратизмом. Отсюда - стремление ликвидировать автономию и тем самым, якобы, сохранить целостность. Они становятся перед дилеммой: сохранять или не сохранять целостность государства, если сохранять, то путем ли централистских мер или децентрализацией государственного устройства, путем федерализации, конфедерализации, повышения статуса автономии и тд. При этом этнотерриториальная автономия не тождественна самоуправлению.

У национальных движений неполноправных народов иной выбор - какую форму автономии - территориальную или экстерриториальную предпочесть, оставаться или нет в составе прежнего полиэтнического государства, соглашаться или нет на усеченные в любом случае суверенитет и государственность, как будут строиться отношения с национальными меньшинствами в рамках автономии, в том числе и национальным меньшинством государствообразующей в общегосударственном масштабе национальности.

Развал и авторитаризм бывшей центральной власти неизбежно ведет к авторитаризму и национальной нетерпимости и в новых государствах, созданных после его распада, к усилению, а не смягчению межэтнических конфликтов, который из внутригосударственных превращаются в межгосударственные. Это показал и пример распада Австро-Венгрии, дважды - Югославии и СССР.

Внутриэтнические консолидационные процессы, подогреваемые чувствами неудовлетворенности положением своего этноса в полиэтническом государстве, соединяясь с традициями национальных движений и психологической традицией борьбы за освобождение, приобретает гипертрофированную форму, которая начинает преобладать над межэтническими консолидационными процессами и связями, в основе которых лежало югославянское сознание. Эти внутриэтнические процессы соединялись с центробежными тенденциями в политике республик. Центричного не мог и не смог противопоставить этому, кроме усиления централистских мер и пропаганды югославянского

унитаризма. Но чем сильнее были централистские тенденции, тем сильнее орказывалось стремление к дезинтеграции и децентрализации государства, приведшее в конце концов к его развалу. Югославия не исключение. Опыт ее предшественницы - Австро-Венгрии, да и Российской империи и СССР доказал это со всей очевидностью. Результатом распада Югославии в начале 90-х годов вместе с распадом СССР стало резкое изменение и дестабилизация геополитической и геостратегической обстановки не только на Юго-Востоке, но и в Европе в целом.

Борьба центробежной и центростремительной тенденций присуща любому многонациональному и полиэтническому государству независимо от социально-экономического строя и политического устройства. Эта борьба обусловлена самой природой этнической общности, стремящейся к самоопределению, на каждом витке своей истории - в новой форме. Центробежная тенденция может быть смягчена только максимальной демократизацией в полиэтническом государстве. А усиление авторитарных и централистских тенденций, нарушение нормального развития общегосударственного рынка и нарастание сопротивления неполноправных народов в условиях войны, военного поражения или чрезмерно милитаризованной экономики ведет к утрате широкой полиэтнической социальной базы государства, к его развалу. Вместе с тем, этническая общность не может быть единственным субъектом государственного права, она не в состоянии составить фундамент государства, заменить собой полиэтническое гражданское общество. Центробежные тенденции могут быть смягчены только максимальной демократизацией. Опыт показывает также, что развитие полиэтнических и многонациональных государств с этнически родственными составом населения подчиняется тем же закономерностям, что и подобных государств, в которые входят этнически далекие друг от друга народы.

Однако сама по себе постановка вопроса о национальном самоопределении в многонациональном государстве носит объективный характер и вовсе не тождественна ни требованию выхода каждого отдельно взятого народа из этого государства, ни стремлению к его развалу. Программы политических партий неполноправных народов Австро-Венгрии свидетельствуют об их поддержке сохранения целостности государства при проведении широких социально-политических и национально-государственных реформ. В 1900-1910-х

гг. существовало несколько возможных вариантов исторического развития полиэтнического и многонационального государства Габсбургов - в области социальной, политической, национально-государственной и национально-территориальной.

Выдвигавшиеся проекты реформ были объективным отражением реальных тенденций в жизни государства. Проекты федеративного и конфедеративного переустройства не были тождественны требованию полного государственного отделения. Как сто лет назад власть имущие не принимали проекты федерации, так и в конце 80 - начале 90-х годов 20 в. коммунистические правители шарахались от слова "конфедерация", не сумев понять, что именно осуществление этих проектов в конкретных исторических условиях позволило бы народам добровольно, мирно и на взаимовыгодных началах сосуществовать в едином государстве в переходный период определения своей дальнейшей судьбы, для мирного самоопределения. Каждый народ искал свои пути обретения самоопределения и его формы. Это длительный процесс, не заверченный и сегодня, а не только политический лозунг или правовой принцип. Его не возможно достичь в результате единовременного политико-революционного акта.

4. Самоопределение в полиэтнической общности (о самоопределении славянских народов)

Один из исторических парадоксов состоит в том, что угроза национальному существованию каждого "югославянского" народа проистекала как из сохранения общего югославского государства в том виде, в котором оно существовало и до, и после Второй мировой войны, так и из распада этого государства, последствия которого мы наблюдаем в наши дни. Югославизм оказался несостоятельным как антитеза моноэтническому национализму, ибо югославизм (подобно всем остальным панславистским теориям) был основан все на той же идее и психологии этнического родства, являлся по сути полиэтническим национализмом, который так или иначе, раньше или позже ведет к отрицанию этнической индивидуальности и вступает в противоречие с процессом самоопределения этнических общностей.

С середины 19 века в Средней и Восточной Европе активный процесс самоопределения народов, принадлежавших к разным крупным

полиэтническим общностям - славянской, германской, угрофинской. Каждый из принадлежавших к ним народов неизбежно рассматривал себя как неотъемлемую часть более крупного сообщества, раздробленного исторически государственными границами. Осознание этой принадлежности было, хотя и с различной степенью интенсивности в разное время у разных народов и в разных обстоятельствах, неотъемлемой частью национального самосознания каждого народа, служило психологическим и идеологическим обоснованием легитимности требования национального самоопределения в разных формах. В этом состояло одно из существеннейших отличий процесса национального самоопределения в Средней и Восточной Европе от Европы Западной, не говоря уже о том, что он начался гораздо позже и в иной исторической обстановке.

Жившие часто на одной территории разные средне- и восточноевропейские народы объективно препятствовали политическому самоопределению друг друга в соответствии с классическим принципом 19 века "одна территория - одна нация - одно государство". В Восточной и части Средней Европы утвердилась не модель полиэтнического государства-нации, как в Западной Европе, а моноэтнического государства-национальности. В этом и кроется одна из причин многочисленных межэтнических и межгосударственных конфликтов в этом регионе. Кроме того, модель государства-национальности часто увязывается с "особым" - национальным или региональным - путем социального и экономического развития, якобы возможного как альтернатива западноевропейской цивилизации и политической культуре. Поэтому исследователь неизбежно сталкивается с вопросом: является ли нынешняя модель "государства-национальности" в Восточной и части Средней Европы стадией развития, которую уже миновали страны Западной Европы или проявлением особого типа взаимоотношений между этносами, а также между этносом, социумом и государством.

В этих условиях, а также учитывая тот факт, что австрийские немцы, венгры, русские, в меньшей степени - хорваты, поляки, финны были обладателями и носителями государственности, идеи этнического родства населявших Российскую империю и монархию Габсбургов славянских народов приобретали важное значение для сохранения целостности этих государств, для их преобразования, для внутренней и внешней политики.

Задача историка - избавиться от фаталистического взгляда на распад монархии Габсбургов, на "историческую необходимость" воссоздания большевиками "железом и кровью" распавшейся Российской империи, на возникновение Версальской системы. Неотъемлемой частью последней были и вновь образованные, формально мононациональные, но по сути - полиэтнические государства Средней и Юго-Восточной Европы, а также СССР. Нам нужно без политической предвзятости, старых этнических стереотипов и архаичных национальных мифов проследить развитие и взаимозависимость четырех компонентов многослойного национального сознания славянских народов, проживавших в распавшихся империях и сыгравших ключевую роль в создании новых государств на основе их этнического родства. К этим компонентам относятся собственно национальное самосознание, сознание принадлежности к региональным (юго- и восточнославянской) полиэтническим общностям, сознание общности славян, проживавших в каждом данном государстве и, наконец, общеславянское сознание.

Представляется важным определить, какие тенденции отражал (и каким соответствовал) тот или иной компонент этнического самосознания славянских народов; выявить не противоречили ли друг другу собственно национальные и общеславянские идеи, между югославистским и австрославистским сознанием, существовало ли, наконец, "общероссийское славянское сознание" (русские, украинцы, белорусы). Как идея национального политического самоопределения восходящая в своей основе к внутриэтническим консолидационным процессам, сочеталась с тенденциями к межэтнической интеграции, такими, например, как югославизм и австрославизм (13).

Общеславянское сознание никогда не было исключительно "прогрессивным фактором", который якобы никогда не приходил в противоречие с этническим самосознанием, интересами каждого отдельно взятого славянского народа и процессом его самоопределения, причем однозначно "прогрессивным" на всех этапах его развития элементом.

Между тем, на определенных этапах развития каждого славянского народа, как и славянской общности в целом и ее разновидностей, общеславянское сознание не только не способствует развитию национального сознания, но и будучи более архаичным, мифологизированным, основанным на этнических стереотипах,

консервативным по своей сути, препятствует ему. Возникающий конфликт ведет к кризису "славянской идеи" в ходе которой национальное сознание каждого народа заново перерабатывает свой "славянский" компонент, находя ему в своей внутренней структуре новое место и придавая новое толкование. При этом возникают теории, пытающиеся представить полиэтническую общность как единый субъект государственного права и политических отношений. В данном случае исходили, как правило, из опыта западно-европейской политико-правовой идеологии, основанной на принципе "одна нация - одна территория - одно государство". Достаточно упомянуть концепцию национального единства сербов, хорватов и словенцев, взгляды Союза Русского Народа, "не делавшего различия между великороссами, белоруссами и малороссами", схожие трактовки чехословакизма (14).

При этом неизбежно в новом контексте возникает старый вопрос: что понимать под самоопределением - самоопределение ли каждого отдельного народа, совместную ли борьбу за право на самоопределение нескольких родственных народов при признании их этнической индивидуальности и суверенитета каждого из них в рамках единой полиэтнической общности как субъекта государственного права, или же борьбу за существование некоего единого в этническом, политическом, государственном и правовом отношении целого.

Югославизму во всех его формах были присущи отрицание политической индивидуальности каждой славянской этнической общности, отказ от права на самоопределение каждого славянского народа, признание преобладания прав этнической общности и перед индивидуумом и права межэтнической общности перед правом отдельного этноса. С другой стороны, он противостоял государственной идее и правовой практике государства Габсбургов.

В перспективе он вел к конфликтам, не мог служить реальной и долговременной альтернативой идее монархии. Он противостоял внутри- и межэтническим интеграционным процессам, способствовал партикуляризму, изоляции более отсталых областей. Национальное и этническое единство нескольких народов было иллюзией, так же как и попытка примирить противоречия между ними путем их объединения в одно государство. Равно как и попытки создать один "сербско-хорватский язык" или считать принадлежность к православию или католицизму главным этнодифференцирующим признаком соответственно сербов и хорватов.

Парадокс истории югославянских народов: узкому этническому национализму противопоставлялся, в качестве альтернативы региональная разновидность панэтнического национализма. Естественно, он не мог стать основой долговременного урегулирования межэтнических конфликтов и основой национального самоопределения. Идеи “пролетарского интернационализма” причудливым образом переплетались с “югославянским братством”. В. Ленин отождествлял процесс создания моноэтнических государств с созданием государств с этнически родственными составом населения (15).

Югославизму, ставшему государственной идеологией, по формальной логике противостояли “национализм и сепаратизм”. В результате процесс самоопределения югославянских народов лишь загнали внутрь и деформировали, что сейчас и дало о себе знать в таких варварских и агрессивных формах.

В основе югославизма лежали идеи и ценности совместной борьбы за самоопределение каждого народа, за общую демократизацию внутривнутриполитической жизни и системы государственного управления. В конце 19 - начале 20 в. его направленность совпадала с процессом национального самоопределения отдельных славянских народов. Но этот этап ушел безвозвратно, он был изжит исторически. Так же как и лозунг национального самоопределения, лозунг югославизма нельзя ни абсолютизировать, ни мифологизировать, ни фетишизировать.

С другой стороны, в югославизме видели альтернативу узкому сербскому и хорватскому этническому национализму, он был попыткой смягчить противоречия между сербами и хорватами, чей этноним совпадал с названием административно-полицейского образования в королевстве Венгрия (с 1868 г.) и восходил к названию средневекового государства (10 в). Необходимой составной частью многих вариантов югославизма была об этническом и государственном единстве сербов и хорватов.

Югославизм во всех его формах был внутренне противоречив: исходя из идентичности национальности и нации и будучи средством и идеологией борьбы за самоопределение, он содержал в себе как раз его отрицание. Отрицая узкий экстремистский национализм, основанный на этнической общности, был одной из утонченных паннациональных теорий и иллюзий, за которые народам пришлось

дорого заплатить. Югославизм не стал и не мог стать альтернативой моноэтническому национализму, ибо исходил из представления "одна территория - одна национальность - одна нация - одно государство - один язык".

Как любой другой национализм, югославизм исходил из приоритета этнической общности перед личностью, полиэтническую общность рассматривал как субъект государственного права. Нацию он отождествлял с национальностью, а несколько национальностей, проживавших на одной или соседних территориях превращал в одну национальность и одну нацию, объединенную в одном государстве.

Но в определенных исторических условиях конца 19 - 20 вв. Югославизм сыграл свою положительную роль, послужив противовесом как узкому этническому хорватскому национализму на территории Хорватии, отрицавшему сам факт существования сербов на этой территории, так и великодержавным устремлениям Сербии, сербскому национализму, восходившему к идее создания единого государства всех сербов, где бы они ни проживали.

Как и принцип национального самоопределения, югославизм не имел неизменного значения, раз на всегда данного, югославство не могло заменить гражданское полиэтническое общество, ибо оставался теорией в своей основе этнической исключительности. Он исчерпал себя исторически. К сожалению, часто теории возможного мирного и демократического переустройства Югославии связывались с иллюзией "хорошего" югославизмом, а Югославию можно было сохранить только избавившись от югославизма, как и без любого иного национализма отказавшись от принципа "национальность - государство - территория". Но сочетание социальных, экономических, этнических и политических процессов не позволило национальному сознанию югославянских народов это сделать в наше время. Поэтому можно сказать, что в начале 90-х годов в Югославии один вид этнополитического национализма взял верх над другим видом (17).

Национальное политическое самоопределение и создание системы национальных независимых государств или государств с этнически родственными составом населения после Первой Мировой Войны не разрешило противоречий между этническими общностями и государством, не смягчило конфликтов этих общностей между собой,

переведа их лишь в область межгосударственных противоречий. Это же относится и к системе межгосударственных и межэтнических отношений, сложившихся в Средней, Юго-Восточной и Восточной Европе после второй мировой войны.

* * *

Размышляя об историческом опыте и перспективах дальнейшего развития народов и территорий, еще недавно объединенных в многонациональные государства, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства.

Во-первых, экономику нельзя строить на основе насильственно созданного моноэтнического государства, или государства с этнически родственным национальным составом. Насильственного отделения национально-территориальных образований. Ибо чем полиэтничнее общество и государство, тем оно прочнее. Равно как и социальное разнообразие. Однородность ведет к постепенной гибели. Необходимо отличать национальное государство от моноэтнического.

Во-вторых, ни этническая, ни классовая общность не могут быть субъектами государственного права - только человеческая личность, индивиддум.

Наконец, необходимо в массовом сознании преодолеть распространенную трагическую связку "одна территория - одна национальность - одно государство - одна нация - одна экономическая система - одна политическая система - одна религия", к которой неизбежно присоединиться и "один вождь".

Ставя целью создание демократического общества в нашем многонациональном государстве и политической системы, основанной на уважении прав меньшинств, считая права человеческой личности главным принципом, а жизнь человека - основной и неотъемлемой ценностью, необходимо сделать самоопределение должно стать интегрирующим и подавляющим национализм фактором. Ибо узкий этнический национализм в экстремистской форме разрушает государства, в том числе и как ни парадоксально, и моноэтнические.

Процесс самоопределения должен в таких условиях и при таких целях, осуществляемый демократическими средствами стать не путем разрушения, а путем сохранения государства, междэтнического и социального мира в нем. Иной путь ведет к распаду и войне. А целью может быть только создание полиэтнического и поликонфессионального гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И. Сталин. Марксизм и национальнй вопрос. - И. Сталин. *Сочинения*, Т. 2. С. 296.
2. Там же, С. 310.
3. В. Ленин. О праве наций на самоопределение. - В. И. Ленин. *Полн. собр. соч.*, Т. 25. С. 260.
4. Там же, С. 259, 281.
5. См. напр.: Ф. Силницки. *Национальная политика КПСС (1917-1922)*. Washington, D.C. 1990.; М. Агурский. *Идеология национал-большевизма*. Paris, 1980.
6. Достаточно элементарного знания литературы и истории, хотя бы внимательно прочитать самого В. Ленина, чтобы узнать, что эта идея родилась гораздо раньше. Автор сознательно не дает ссылок на многочисленные работы, поскольку речь идет не о полемике с отдельными политиками и учеными, но о характеристике нашего сознания.
7. См.: Fr. J. Neumann. *Folk und Nation*. Leipzig, 1888. С. 134.
8. О. Бауэр. *Национальный вопрос и социал-демократия*. СПб, 1909. С. 139.
9. Синоптикус. *Государство и нация*. СПб, 1906. С. 17.
10. Г. Плеханов. О матриалистическом понимании истории. - Г. В. Плеханов. *Избранные философские произведения*, Т. II. М., 1956.
11. Синоптикус. *Государство и нация*. С. 29-31.
12. См. напр. "Доклад организационного бюро земских и городских деятелей по вопросу о правах национальностей и о децентрализации управления".

- В кн.: В. Водовозов. *Программы политических партий в России*. Вып. СПб. 190 С.
13. См. напр.: *Балканы в конце XIX - начале XX века*. М., 1991. С. 91-155.; В. И. Фрейдзон. *Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX - начала XX в.* М., 1993; З. С. Ненашева. *Общественно-политическая мысль в чешских землях в конце XIX - начале XX века*. М., 1994.
14. В. Водовозов. *Программы политических партий в России*. Вып. СПб, 1906.
15. См.: В. Ленин. *Полное собрание сочинений*, Т. С.
16. См.: *Формирование независимых национальных государств на Балканах (конец XVII - 70-е годы XIX века)*. М., 1986; *Балканы в конце XIX - начале XX века*. М., 1991.
17. См.: С. Романенко. "Славянская идея" и национальное самоопределение. - "Независимая газета", 10. 08. 1991; 0,5 п.л. С. Романенко. Югославия: от "братства и единства" к войне и распаду. - В сб.: *Очаги тревоги в Восточной Европе*. М., 1994; С. Романенко. "Новый курс": реформа государства Габсбургов или шаг к "национальной революции южного славянства"? - В сб.: *Революции и реформы на Балканах*. М., 1994; С. Романенко. Австро-Венгрия или Югославия? В сб.: *Австро-Венгрия. Исторический опыт многонационального государства*. М., 1995; S. Romanenko. National Autonomy in Russia and Austria-Hungary. A Comparative Analysis of Finland and Croatia-Slavonia. - *Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the Soviet Union*. Edited by Richard R. Rudolph and David F. Good. New York, 1992.
18. См.: В. Ленин. О праве наций..., С. 260.

PROCES NACIONALNOG SAMOODREĐENJA NARODA SREDNJE I ISTOČNE EUROPE: BILANCA PREMA KONCU 20. STOLJEĆA

SAŽETAK

Rad je posvećen razmatranju, s gledišta teorije, jednoga od ključnih procesa u europskoj povijesti 19. i 20. stoljeća - samoodređenju naroda. Autor uspoređuje povijesno iskustvo i sadašnju političku praksu u zemljama Istočne i Srednje Europe, uključujući (bivši) Sovjetski Savez i SFRJ, te Rusiju, Hrvatsku i Srbiju. On izdvaja tri modela samoodređenja svakog evropskog naroda: u višenacionalnoj državi (primjerice u Austro-Ugarskoj, Rusiji, bivšoj SFRJ i slično), u polietničkoj zajednici (Slaveni, Nijemci, Ugrofini), i u povjesno-zemljopisnom regionu (Istočna, Srednja i Zapadna Europa). Pojam "narod" ("nacija") on odvaja od pojma "narodnost" ("etnos"). Prema njegovom mišljenju, demokratska država može biti samo polietnička i zasnovana na građanskom društvu. Međutim, raspad Sovjetskog Saveza, kao i Jugoslavije, bio je povijesno neizbježan. Nacionalna država nije nužno isto što i demokratska država.

THE PROCESS OF NATIONAL SELF-DETERMINATION OF PEOPLES IN CENTRAL AND EAST EUROPE: THE BALANCE AT THE END OF THE 20TH CENTURY

SUMMARY

The paper analyses, from the viewpoint of theory, one of the key processes in European history during the 19th and 20th centuries - i.e. the self-determination of peoples. The author compares the historical experiences and the present political practice in countries of East and Central Europe, including (the former) Soviet Union and Yugoslavia, as well as Russia, Croatia and Serbia. He distinguishes three models of self-determination among European peoples: self-determination in multinational states (e.g. in Austria-Hungary, Russia, the former Yugoslavia etc.), in polyethnic communities (Slavs, Germans, Finno-Ugric peoples), and in historic-geographical regions (East, Central and West Europe). He distinguishes the concept of "people" ("nation") from the concept of "nationality" ("ethnicity"). In his opinion, a democratic state can only be polyethnic, and based in civic society. However, the disintegration of the Soviet Union, as well as Yugoslavia, was historically inevitable. The national state is not necessarily the same as the democratic state.